

ВОССТАНИЕ МАСС И МАССОВОЕ ОБЩЕСТВО В XX ВЕКЕ

Тоталитаризм – явление, действительно всецело принадлежащее XX веку. Это – результат массовизации общества, который фактически начинается с Великой Французской революции. Массы в XX веке начинают играть заметную политическую роль. Тоталитарные режимы возникли на основе массовых движений в обществах.

Концепция массового общества позволяет во многом объяснить тоталитаризм XX века, поскольку тоталитарные режимы, опираясь на массы, в то же время сознательно деклассировали, атомизировали и маргинализировали общество. Образование массового общества создает социальное напряжение, выход из которого может быть найден в различных формах социальной активности.

Модернизация европейских обществ всколыхнула массы населения. “Дал трещины и начал разваливаться устойчивый мир семьи, соседских отношений, сёл. В своём падении он увлек за собой традиционные религиозные, политические устои, а также духовные ценности. Вырванные из родных мест, из своей почвы, люди, собранные в нестабильные городские конгломераты, становились массой. С переходом от традиций к модернизму на рынок выбрасывается множество анонимных индивидов, социальных атомов, лишенных связи между собой”¹. “Наконец, и это еще одна черта эпохи – в скученности больших городов выковывается новый человек... рождается массовая культура и массовые формы потребления”. Появляется новый человеческий тип – человек массы².

Великая Французская революция стала толчком для развития массового общества и массовизма как явления. XIX век можно рассматривать как время формирования масс.

“Современная эпоха представляет собой один из таких критических моментов, когда человеческая мысль готовится к изменению. В основе этого изменения лежат два главных фактора. Первый – это разрушение религиозных, политических и социальных верований, давших начало всем элементам нашей цивилизации; второй – это возникновение новых условий существования и совершенно новых идей, явившихся следствием современных открытий в области наук и промышленности”. “Наступающая эпоха будет поистине эрой масс”, – писал в конце XIX века в книге “Психология толп” Гюстав Ле Бон³.

¹ Москвичи С. *Век толп. Исторический трактат по психологии масс*. М., 1998. С. 44.

² Там же. С.46.

³ Ле Бон Г. *Психология толп*. М., 1998. С.125-126

“История проявляет себя всё более и более как разрушитель: подрывает религиозные верования, разрывает традиционные связи и разрушает солидарность групп. Разобщенные, люди остаются покинутыми в одиночестве со своими нуждами: в джунглях городов, в пустынях заводов, в серости контор. Эти бесчисленные атомы, эти крупинки множества собираются в зыбкую, воспламеняющуюся смесь. Они образуют нечто вроде газа, который готов взорваться в пустоте общества, лишенного своих авторитетов и ценностей”¹.

Хосе Ортега и Гассет в процессе массовизации общества выделяет два момента: “во-первых, сегодня массы достигли такого жизненного уровня, который прежде казался предназначенным лишь для немногих; во-вторых, массы вышли из повиновения, не подчиняются никакому меньшинству, не следуют за ним и не только не считаются с ним, но и вытесняют его и сами его замещают”². В течение всего XIX века масса лишь вдохновлялась идеей всеобщих прав как идеалом, но не чувствовала этих прав и не пользовалась ими. Масса начинала осознавать себя властительницей жизни. “Уравнительные права, рожденные благородным демократическим порывом, из надежд и чаяний превращаются в вождение и бессознательное домогательство”, – писал испанский философ. – “Все блага и все беды настоящего и ближайшего будущего берут истоки в этом общем подъёме исторического уровня”, когда “обыденная жизнь сегодня” стала “выше вчерашней отметки”³. “Торжеством масс и последующим сказочным подъемом жизненного уровня Европа обязана двухвековому внутреннему процессу – материальному обогащению масс”⁴. “Изменение состоит не в пролетаризации человека или в обобществлении экономики. Напротив, мы имеем дело с массивификацией, то есть со смешением и стиранием социальных групп”⁵.

В XX веке начинается активное вторжение масс в политику. Однако только во второй половине XX века в историческую науку пришло осознание роли масс в становлении тоталитарных обществ, хотя в большинстве случаев приход тоталитарных движений к власти был обусловлен сознательной или бессознательной поддержкой со стороны масс (наиболее ярким примером является Германия, где нацистская “национальная революция” осуществлялась парламентским путем, после победы нацистов на выборах в рейхстаг).

Принципиальное различие между демократическим и тоталитарным массовым обществом состоит в характере организации человеческой деятельности в них: в первом случае индивид имеет свободу выбора при определении характера своей социальной деятельности, во

¹ Московичи С. *Век толп*. С. 48.

² Ортега и Гассет Х. *Избранные труды*. М., 1997. С.50.

³ Там же. С. 51-52.

⁴ Там же. С.53.

⁵ Московичи С. *Век толп*. С.50.

втором – ее направление жестко детерминировано системой. Само возникновение тоталитаризма с этой точки зрения есть процесс трансформации массового общества в тоталитарные структуры¹.

Один из первых исследователей тоталитаризма – Ханна Арендт – выявила связующее звено между массами и тоталитарными режимами: тоталитарное движение. При формировании тоталитарные движения, как правило, опирались на широкую массовую базу. Происхождение массовой опоры этих движений было связано с процессом атомизации общества – перехода общества от традиционного к современному типу, основанному на индивидуализме. Человек смог вырваться из пут традиционных социальных связей и структур и обрел свободу. Однако вместе с обретением свободы им было утрачено чувство защищенности, которую обеспечивали внутренние структуры и связи традиционного общества. Индивид стал одиноким, всё теперь зависело не от гарантий его социального статуса, а от его собственных усилий². Первая мировая война довершила разрушение традиционных социальных структур европейского общества; в условиях политической нестабильности и экономического кризиса индивид оказался полностью изолированным, лишенным нормальных социальных связей и возможностей четкой самоидентификации.

Поэтому характерной чертой периода перехода от традиционного к современному обществу стал своеобразный синдром “бегства от свободы”, выявленный Эрихом Фроммом. Одним из его проявлений стало возникновение тоталитарных движений – “массовых организаций атомизированных, изолированных индивидов”³. “Тоталитарные движения... были первыми истинно антибуржуазными партиями... Ни одна организация или движение доселе не поглощали своих членов до степени полной утраты индивидуальных притязаний, как и не понимали, что организация может преуспеть в подавлении индивидуально-личного самосознания навсегда, а не просто на момент коллективного героического действия”⁴.

Особенностью тоталитарных движений является отсутствие у их членов выраженных групповых (социальных, профессиональных и т.д.) интересов. “Социальная атомизация и крайняя индивидуализация предшествовали массовым движениям, которые гораздо легче и раньше привлекали совершенно неорганизованных людей, типичных “неприсоединившихся””⁵. “Термин “массы” применим только там, где мы имеем дело с людьми, которых по причине либо их ко-

¹ Медушевский А.Н. *Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе*. М., 1998. С.155.

² Фромм Э. *Бегство от свободы*. Минск, 1998. С.56.

³ Арендт Х. *Истоки тоталитаризма*. М., 1996. С.430.

⁴ Там же. С.417.

⁵ Там же. С.421.

личества, либо равнодушия, либо сочетания обоих факторов, нельзя объединить ни в какую организацию, основанную на общем интересе: в политические партии, либо в органы местного самоуправления, или различные профессиональные организации или тред-юнионы. Потенциально "массы" существуют в каждой стране, образуя большинство из того огромного количества нейтральных, политически равнодушных людей, которые никогда не присоединяются ни к какой партии и едва ли вообще ходят голосовать"¹.

Проявлением кризиса современной эпохи Ортега и Гассет считает активизацию массовых движений, своеобразное "восстание масс" против традиционной культуры, против "культурного сосуществования" в обществе. "Разумеется, толпы существовали всегда, невидимые и слышимые. Но в этом своеобразном ускоренном движении истории они разорвали пути, они восстали, став видимыми и слышимыми – и даже несущими угрозу существованию индивидов и классов из-за их тенденции всё перемешивать и всё обезличивать"². Выброс масс на арену истории совершился с такой скоростью, что они не имели времени приобщиться к ценностям традиционной культуры. В результате восстания масс в руки массы попадает политическая власть, но масса не умеет ею пользоваться. "Нестабильность массового общества следует, как можно предположить, из неустранимого требования равенства и неверного использования свободы". "Массовое общество варьирует от демократического деспотизма до деспотической демократии"³. "Когда массы налицо, задача политики их организовать. Важнейшим всегда остается то, что политика – рациональная форма использования иррациональной сущности масс"⁴.

Одной из особенностей массового общества является своеобразие его структуры. Нормальное функционирование общества предполагает три уровня социальных отношений: I уровень – семья, личные или первичные связи; III уровень – отношения между гражданами в общенациональном масштабе; II уровень охватывает все промежуточные отношения, все организованные связи между семьей и государством – местные общины и органы самоуправления, добровольные ассоциации и неформальные группы и т.п. Структура массового общества характеризуется дисфункцией связей II уровня, благодаря чему индивид и первичная группа ориентированы непосредственно на государственные учреждения. Членов массового общества объединяет лишь разделяемая всеми зависимость от общенациональных центров информации, пропаганды и организации.

¹ Ортега и Гассет Х. *Избранные труды*. С.414-415.

² Москвичи С. *Век толп*. С. 49.

³ Там же. С. 70, 72.

⁴ Там же. С. 60.

В этом смысле мы говорим о массовом обществе как об обществе атомизированном.¹ “Социальные группы, большие, чем семья, и меньшие, чем государство – горнило политической демократии. Там, где они не существуют или не несут важных социальных функций, общество открыто для антидемократических движений, использующих массовое поведение”².

Хосе Ортега и Гассет вводит понятие “человека-массы”, среднего человека, который чувствует себя “как все” и не переживает из-за этого: “Масса – это всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, ощущает себя таким же, “как и все”, и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью”³. Элита – те, кто требует от себя многого и сам на себя взваливает тяготы и обязательства. Масса – это те, “кто не требует ничего, и для кого жить – это плыть по течению, оставаясь таким, каков ни на есть и не сясь перерасти себя”. “Массы – это те, кто плывет по течению и лишен ориентиров, поэтому массовый человек не создает, даже если возможности его и велики”⁴. “Рождение любой формы коллективной жизни всегда совпадало с появлением на свет нового человеческого типа. И напротив, закат какой-либо из этих форм всегда сопровождается исчезновением определенного типа людей. Мы существуем в эпоху массовых обществ и человека – массы”⁵.

Уильям Корнхаузер рассматривает также вопрос о месте элиты в массовом обществе. По его мнению, место элиты в обществе и ее замкнутость или незамкнутость (проницаемость) определяются типом общественных отношений. Он выделяет четыре основных типа отношений между элитой и массами (не-элитой): в обществах *коммунального (общинного) типа* элиты непроницаемы, а не-элиты интегрированы родством и общиной и не доступны манипулированию; в *плюралистическом* обществе элиты открыты благодаря соревнованию между автономными не-элитарными группами; в *тоталитарном* обществе элита непроницаема, ее элементы отобраны и фиксированы с использованием монополии на средства принуждения и убеждения, а не-элита всецело подчинена тоталитарной элите; наконец, в *массовом обществе* социальная автономия отсутствует на всех уровнях – элиты проницаемы и не-элиты податливы, что обусловлено отсутствием автономных социальных образований II уровня. Таким образом, массовое общество является, по мнению

¹ Корнхаузер У. *Политика массового общества* // Тоталитаризм. Что это такое? М., 1993. Ч. I. С. 92.

² Там же. С. 96-97.

³ Ортега и Гассет Х. *Избранные труды*. С. 45-46.

⁴ Там же. С. 67.

⁵ Москвичи С. *Век толп*. С. 28.

Корнхаузера, наиболее мобильным и в то же время наиболее неустойчивым общественным типом¹. Именно поэтому массовое общество легко может быть трансформировано в тоталитарное.

Эпоха массовых обществ в истории человечества наступила на рубеже XIX и XX веков. Не случайно именно в это время исследователи – психологи, философы, историки – обратились в своих работах к психологии масс и психологии толпы.

Фактически психология толп на рубеже XIX и XX века сделала три основополагающих открытия:

1. Массы представляют собой социальный феномен;
2. Внушение объясняет растворение индивидуума в массе;
3. Гипноз является моделью поведения вождя в массе.

Серж Московичи отмечает, что значение работ первых исследователей массовой психологии – Гюстава Ле Бона, Зигмунда Фрейда, Габриэля Тарда – настолько велико, что последующие исследователи в основном либо пересказывают их выводы современным языком, либо используют их для интерпретации современных явлений.

Однако ранние авторы работ по психологии масс и толп не имели возможности увидеть огромную роль, которую массы стали играть в XX веке. Первая в истории массовая война – первая мировая – стала своего рода отправным пунктом грандиозных массовых движений, которыми по сути и характеризуется XX век.

Необходимо подчеркнуть разницу, существующую между понятиями «масса», «толпа», и понятием «народ». Эти понятия иногда совпадают, хотя народ всегда более многочислен, чем народные массы. Народ – исторически сложившееся сообщество, обладающее определенным менталитетом, традициями, культурой, обычаями. Масса же, как отмечал Ле Бон, это единое новое образование, имеющее коллективную душу, некое духовное единство.

По определению Сержа Московичи, «масса – это временная совокупность равных, анонимных и схожих между собой людей, в недрах которой идеи и эмоции каждого имеют тенденцию выражаться спонтанно. Толпа, масса – это социальное животное, сорвавшееся с цепи... Это неукротимая и слепая сила, которая в состоянии преодолеть любые препятствия, сдвинуть горы или уничтожить творения столетий»². «Толпы или массы (с психологической точки зрения оба слова имеют один и тот же смысл) являются независимой реальностью... Они представляют собой коллективное устройство, коллективную форму жизни»³.

---

¹ Там же. С. 85.

² Московичи С. *Век толп*. С. 27

³ Там же. – С. 109.

Анализом и разработкой психологических трактовок и теории толпы (массы) занимались Г. Ле Бон, Г. Тард, З. Фрейд, Э. Фромм, В. Райх, С. Московичи. Развивая теорию психологии масс, разработанную Ле Боном, Московичи обозначает следующие факторы:

1. Толпа в психологическом смысле является человеческой совокупностью, обладающей психической общностью, а это не скоплением людей, собранных в одном месте;
2. Индивид действует, как и масса, но сознательно, а масса – неосознанно, поскольку сознательное индивидуально, а бессознательное – коллективно;
3. Толпы консервативны, несмотря на их революционный образ действий. Они всегда кончают восстановлением того, что вначале низвергали, ибо для них, как и для всех, находящихся в состоянии гипноза, прошлое гораздо более значимо, чем настоящее;
4. Массы нуждаются в поддержке вождя, который их пленяет своим гипнотизирующим авторитетом, а не доводами рассудка и не подчинением силе;
5. Пропаганда (или коммуникация) имеют иррациональную основу. Благодаря этому преодолеваются препятствия, стоящие на пути к цели. Поскольку в большинстве случаев действия являются следствием убеждений, то критический ум, отсутствие убежденности и страсти являются препятствиями к действию. Внушение может их преодолеть, а потому пропаганда, адресованная массам, должна использовать энергичный и образный язык аллегорий с простыми и повелительными формулировками.
6. В целях управления массами (партией, классом, нацией и т.д.) политика должна опираться на какую-то высшую идею (Революции, Родины и т.п.), которую внедряют и взращивают в сознании людей. В результате такого внушения она превращается в коллективные образы и действия¹.

Масса – случайное скопление людей, имеющее единую эмоциональную направленность. Масса возникает из людей, разных по социальному статусу, образованию, профессии. В толпе стираются различия между людьми, и люди выплескивают нередко в жестоких действиях свои страсти и грезы – от низменных до героических и романтических, от исступленного восторга до мученичества. Такие массы играют особенно большую роль в XX веке (в результате индустриализации, урбанизации и т.п.).

Психология толп (масс) основана на резком противопоставлении индивида вне толпы ему же, находящемуся в составе толпы. Психология массы не является математической суммой психологий

¹ Там же. – С. 124-125.

отдельных входящих в массу индивидов; она является самостоятельным, достаточно сложным явлением, требующим специального изучения. Знание психологии масс необходимо для понимания механизма вовлечения масс в тоталитарные движения.

В психологии масс толпа понимается очень широко. Ле Бон предложил следующую классификацию толп:

А. Толпа *разнородная*:

- 1) анонимная (уличная и др.);
- 2) неанонимная (присяжные, парламентские собрания и т.п.)

Б. Толпа *однородная*:

- 1) секты (политические, религиозные и т.д.)
- 2) касты (военные, духовенство, рабочие и т.д.)
- 3) классы (буржуазия, крестьянство и т.д.)¹

Тард выделяет толпы анархические, аморфные, естественные и т.д., а также другой вид – организованные, дисциплинированные, искусственные (например, политические партии, государственные структуры, организации типа церкви и армии)².

Включенная в тоталитарное движение масса, будучи организованной, получает огромную силу. “Мало склонные к теоретическим рассуждениям, массы зато очень склонны к действию. Благодаря своей теперешней организации, толпа получила огромную силу”³. “Цивилизации создавались и оберегались маленькой горстью интеллектуальной аристократии, никогда – толпой. Сила толпы направлена лишь к разрушению. Владычество толпы всегда указывает на фазу варварства. Цивилизация предполагает существование определенных правил, дисциплину, переход от инстинктивного к рациональному, предвидение будущего, более высокую степень культуры, а это всё условия, которых толпа, предоставленная сама себе, никогда не могла осуществить”⁴. Ле Бон писал, что толпа может быть преступной, добродетельной, героической и т.д. Он отмечает, что все властители мира, все основатели религиозных движений и т.п. – все были выдающимися психологами, инстинктивно понимающими душу толпы. “Именно благодаря этому пониманию они становились властелинами толпы. Наполеон прекрасно постиг психологию масс

¹ Ле Бон Г. *Психология толп*. С. 220.

² Тард Г. *Мнение и толпа* // Психология толп. М., 1998. С. 370-372.

³ Ле Бон Г. *Психология толп*. С. 127.

⁴ Там же. С. 128.

той страны, в которой царствовал, но зачастую высказывал полное непонимание психологии толпы других народов и рас”¹.

“Только вникая глубже в психологию масс, можно понять, до какой степени сильна над ними власть внушенных идей. Толпами нельзя руководить посредством правил, основанных на чисто теоретической справедливости, а надо отыскивать то, что может произвести на нее впечатление и увлечь ее”².

“В толпе сознательная личность исчезает, причём чувства и идеи всех отдельных единиц, образующих целое, именуемое толпой, принимают одно и то же направление. Образуется коллективная душа, имеющая, конечно, временный характер, но и очень определенные черты”³. Возникает закон духовного единства толпы. “Одухотворенная толпа после своего образования приобретает общие черты – временные, но совершенно определенные”. “Каковы бы ни были индивиды, составляющие толпу, каков бы ни был их образ жизни, род занятий, характер или ум, одного их превращения в толпу достаточно для того, чтобы у них образовался род коллективной души, заставляющей их чувствовать, думать и действовать совершенно иначе, чем думал бы, действовал и чувствовал каждый из них в отдельности...”

Сознательная жизнь ума составляет лишь очень малую часть по сравнению с его бессознательной жизнью. В коллективной душе интеллектуальные способности индивидов и, следовательно, их индивидуальность исчезают, разнородное утопает в однородном, и верх берут бессознательные качества”⁴. Ле Бон считал, что главной характерной чертой эпохи служит именно замена сознательной деятельности индивидов бессознательной деятельностью толпы. Аналогичной точки зрения придерживался и Зигмунд Фрейд, который считал, что в толпе обесценивается психическая надстройка, сознательное, и на первый план выходит фундамент психики – одинаковое у всех бессознательное. Именно поэтому в толпе стирается индивидуальность человека, и толпа обретает своеобразное психическое единство”⁵.

“В толпе может происходить накопление только глупости, а не ума. “Весь мир”, как это часто принято говорить, никак не может быть умнее Вольтера, а, наоборот, Вольтер умнее, нежели “весь мир”, если под этим словом надо понимать толпу”⁶. “Senatores omnes boni viri, Senatus Romanus mala bestia” – “Все сенаторы – достойные мужи, Римский Сенат – скверное животное”⁷

¹ Там же. С.129.

² Там же.

³ Там же. С.131-132.

⁴ Там же. С. 133-135.

⁵ Фрейд З. *Психология масс и анализ человеческого «Я»* // Преступная толпа. М., 1998. С.125-126.

⁶ Ле Бон Г. *Психология толп*. С. 135.

⁷ Там же. С.38.

Тенденция к обезличиванию умов, параличу инициативы, порабощению коллективной душой индивидуальной души – всё это следствия погружения в толпу.

Появление новых специфических черт, характерных для толпы, не встречающихся при этом у отдельных индивидов, обусловлено различными причинами:

первая причина состоит в том, что “индивид в толпе приобретает – благодаря только численности – *сознание непреодолимой силы*, и это сознание позволяет ему поддаваться таким инстинктам, которым он никогда не даёт волю, когда бывает один. В толпе же он менее склонен обуздывать свои инстинкты, потому что толпа анонимна и не несёт на себе ответственности. Чувство ответственности, сдерживающее всегда отдельных индивидов, совершенно исчезает в толпе”;

вторая причина – “в толпе всякое чувство, всякое действие *заразительно*, и притом в такой степени, что индивид очень легко приносит в жертву свои личные интересы интересу коллективному. Подобное поведение, однако, противоречит человеческой природе, и потому человек способен на него лишь тогда, когда он составляет частицу толпы”;

наконец, третья причина – “индивид в толпе *восприимчив к внушению*”. Индивид, “пробыв несколько времени среди действующей толпы, под влиянием ли токов, исходящих от этой толпы, или каких-либо других причин, неизвестно, очень скоро приходит в состояние, напоминающее состояние загипнотизированного субъекта”¹.

“Итак, исчезновение сознательной личности, преобладание личности бессознательной, одинаковое направление чувств и идей, определяемое внушением, и стремление превратить немедленно в действие внушенные идеи – вот главные черты, характеризующие индивида в толпе. Он уже перестает быть самим собой и становится автоматом, у которого своей воли не существует.

Таким образом, становясь частицей организованной толпы, человек спускается на несколько ступеней ниже по лестнице цивилизации. В изолированном положении он, может быть, был бы культурным человеком; в толпе – это варвар, то есть существо инстинктивное. У него обнаруживается склонность к произволу, буйству, свирепости, но также и к энтузиазму и героизму, свойственным первобытному человеку, сходство с которым еще более усиливается тем, что человек в толпе чрезвычайно легко подчиняется словам и представлениям, не оказавшим бы на него в изолированном положении никакого влияния, и совершает поступки, явно противоречащие и его интересам, и его привычкам. Индивид в толпе – это песчинка среди массы других песчинок, вздымаемых и уносимых ветром”².

¹ Там же. С. 135-136.

² Там же. С. 137.

“Из всего вышесказанного мы делаем вывод, что толпа в интеллектуальном отношении всегда стоит ниже изолированного человека, но с точки зрения чувств и поступков, вызываемых этими чувствами, она может быть лучше или хуже его, смотря по обстоятельствам... Толпа часто бывает преступна, ... но часто также она бывает героична. Толпа пойдет на смерть ради торжества какого-нибудь верования или идеи; в толпе можно пробудить энтузиазм и заставить ее, ради славы и чести, идти без хлеба и оружия, как во времена крестовых походов, освобождать Гроб Господень из рук неверных, или же, как в 1793 году, защищать родную землю. Это героизм, несколько бессознательный, конечно, но именно при его-то помощи и делается история. Если бы на счет народам ставились только одни великие дела, хладнокровно обдуманые, то в мировых списках их значилось бы весьма немного”¹.

В числе свойств, характеризующих толпу, Ле Бон выделяет импульсивность, изменчивость, раздражительность, неспособность обдумывать, отсутствие рассуждений и критики, преувеличенную чувствительность и т.п., “которые наблюдаются у существ, принадлежащих к низшим формам эволюции, как то у женщин, дикарей и детей”².

Гюстав Ле Бон выделяет следующие свойства толпы:

Импульсивность, изменчивость и раздражительность. Толпа никогда не поступает преднамеренно. Импульсивность ее достаточно сильна, чтобы уничтожить личные интересы. Толпа, в отличие от индивида, не имеет способности подавлять свои рефлексy. Импульсы, воздействующие на толпу, могут иметь различную направленность, но они всегда настолько сильны, что толпа не в состоянии их подавить. Разнообразие импульсов и их источников ведет к быстрой изменчивости мнений и чувств толпы, которая может почти мгновенно перейти от крайней жестокости к великодушию. Желания толпы кратковременны, настойчивость и последовательность действий для толпы не существуют. “Для индивида в толпе понятия о невозможности не существуют”. “В толпе у него появляется сознание могущества, доставляемого ему численностью”, что позволяет индивиду в толпе совершать действия, на которые он сам по себе никогда бы не решился.

Податливость к внушению и легковерие. Недостоверного и невозможного для толпы не существует, отсюда ее податливость к разного рода внушениям. В толпе нет разницы между ученым и глупцом — они одинаково лишаются способности к наблюдениям.

¹ Там же. С. 138.

² Там же. С.139.

Преувеличение и односторонность чувств толпы. Сила чувств толпы еще более увеличивается благодаря отсутствию ответственности. Толпа способна подчиняться влиянию только таких же преувеличенных чувств. Толпа не нуждается в доказательствах и не реагирует на них. Разум на толпу не воздействует. Толпа воспринимает только обращение к ее чувствам.

Нетерпимость, авторитетность, консерватизм. Толпа всегда глубоко консервативна (несмотря на временные проявления революционных чувств и инстинктов). “Всегда готовая восстать против слабой власти, толпа раболепно преклоняется перед сильной властью”. Доброта для толпы есть символ слабости. Толпа питает подсознательное преклонение перед традицией и не любит новшеств.

Толпа редко руководствуется личными интересами. Она выступает как коллективный морализатор. Поступки индивида против общепринятой нравственности вызывают противодействие толпы. Толпа может явить пример и очень высокой нравственности, если считать нравственными качествами бескорыстие, покорность и слепую преданность химерическому идеалу.

Огромную роль в этом играют идеи толпы. Они могут быть временными и скоро преходящими, зародившимися под влиянием минуты, и устойчивыми, стабильными, как религиозные верования или социальные идеи. Однако постепенно могут быть расшатаны и основные идеи – пример тому – подрыв религиозных верований и ослабление значения религиозных институтов в Европе. Рассуждения толпы связаны лишь кажущимися аналогиями и последовательностью.

Все убеждения толпы облекаются в религиозные формы. Следствием этого являются нетерпимость и фанатизм, присущие многим массовым движениям. Религиозное чувство толпы выражается в форме обожания предполагаемого верховного существа и приписывания ему мистической силы, слепого подчинения его велениям, невозможности оспаривать его догматы, желания распространять их, стремления смотреть как на врагов на всех тех, кто не признает их. При этом не имеет значения, относится ли такое религиозное чувство к невидимому Богу, к идолу, к герою или вождю, наконец, к политической идее – с того момента, как в нем обнаруживаются названные черты, оно имеет религиозную сущность. “Герой, которому поклоняется толпа, поистине для нее Бог”. “Основатели религиозных или политических верований только потому могли достигнуть цели, что умели внушить толпе чувство фанатизма, заставляющее человека находить счастье в обожании и подчинении и с готовностью жертвовать своей жизнью для своего идола”. “Толпа нуждается

в религии, так как все верования, политические, божественные и социальные, усваиваются ею лишь в том случае, если они облечены в религиозную форму, не допускающую оспариваний. Если бы было возможно заставить толпу усвоить атеизм, то он выразился бы в такой же пылкой нетерпимости, как и всякое религиозное чувство, и в своих внешних формах скоро превратился бы в настоящий культ”¹ (Ле Бон был прав – вспомним культовый советский атеизм 1920-х – 1930-х гг.).

Коллективистская идеология, как правило, успешно может сочетаться с единоличной властью вождя – правителя. Серж Московичи пишет: “Побеждают революции, возникают новые режимы, устои прошлого рассыпаются в прах, остаётся неизменным лишь стремительное возвышение вождей... Поначалу, когда большинство захватывает власть, она временно переходит в руки меньшинства, но только до того момента, пока один человек не отнимет ее у всех остальных. Этот исключительный человек теперь воплощает собой закон. Он обладает властью направлять массы людей на героические сражения, на гигантские стройки. А они открыто приносят ему в жертву свои интересы и нужды, вплоть до собственной жизни. По приказу вождя толпа его приверженцев беспрекословно идёт на преступления, потрясающие воображение, совершает бесчисленные разрушения. Такая власть не может осуществиться, не лишив людей ответственности и свободы. Более того, она требует их искренней вовлеченности”². “Стихийно массы стремятся не к демократии, а к деспотизму”.

Существует неразрывная связь между вождём и народом. Эта связь – власть. Народ ее завоевал и удерживает. Но влияние вождя, “было ли оно получено с согласия масс или вырвано в результате переворота, основывается на всеобщем одобрении, то есть принимает вид демократии”³. “Масса царит, но не правит”. Воля вождя является тем ядром, вокруг которого кристаллизуется мнение толпы. Вождь управляет толпой, так как толпа представляет собой раблепное стадо, которое не может обойтись без властелина. “Обыкновенно вожаки не принадлежат к числу мыслителей – это люди действия. Они не обладают проницательностью, так как проницательность ведет обыкновенно к сомнениям и бездействию. Чаще всего вожаками бывают психически неуравновешенные люди, полупомешанные, находящиеся на границе безумия... Напряженность их собственной веры придает их словам громадную силу вну-

¹ Там же. С. 163-166.

² Московичи С. *Век толп*. С.23-24.

³ Там же. С. 30.

шения”¹. “Роль всех великих вожаков, главным образом, заключается в том, чтобы создать веру – всё равно, религиозную, политическую, социальную, или веру в какое-нибудь дело, человека или идею”. “Власть вожаков очень деспотична, но именно этот деспотизм и заставляет её подчиняться... В душе толпы преобладает не стремление к свободе, а потребность подчинения; толпа так желает повиноваться, что инстинктивно покоряется тому, кто объявляет себя ее властелином”².

Ле Бон выделяет следующие категории вождей: 1. люди энергичные, с сильной, но проявляющейся лишь на краткое время волей; 2. вожаки с сильной и стойкой волей. Первые пригодны для кратких дерзких предприятий (идеальным примером Ле Бон считает Джузеппе Гарибальди). Вторые есть истинные основатели религий и творцы великих дел (св. Павел, пророк Мухаммад, Колумб и т.д.).

Вожди добиваются внушения своих идей толпе прежде всего методом повторения. “Посредством повторения идея водворяется в умах до такой степени прочно, что, в конце концов, воспринимается как доказанная истина”. “Управляют толпой не при помощи аргументов, а при помощи образов. Во всякую эпоху существует небольшое число индивидов, внушающих толпе свои действия, и бессознательная масса подражает им. Но эти индивиды не должны слишком отдаляться от преобладающих в толпе идей, иначе подражать будет трудно, и всё влияние сведется к нулю. ... Люди, стоящие много выше своей эпохи, не имеют вообще на неё влияния. Они слишком отдалены от неё...”. (Ле Бон называет распространение идей в толпе путем взаимовлияния индивидов “заразой”)³.

“Идеи, распространяемые путем утверждения, повторения и заразы, обязаны своим могуществом главным образом таинственной силе, которую они приобретают – обаянию”. Обаяние включает часто противоположные качества (например, восхищение и страх). Типы обаяния: приобретенное и личное. Приобретенное обаяние зависит от формы, социального положения, титулов и т.п. “Самый свирепый социалист всегда бывает несколько смущен при виде принца или маркиза...”⁴. Намного более существенно обаяние личное, истинные вожди толпы (Ле Бон называет Мухаммада, Жанну д’Арк, Наполеона I) всегда обладали личным обаянием и благодаря ему подчиняли себе толпу⁵. “В генезисе обаяния участвуют многие факторы, и одним из самых главных всегда был успех”. Исчезновение

¹ Ле Бон Г. *Психология толп*. С. 193.

² Там же. С. 194.

³ Там же. С. 197-200.

⁴ Там же. С. 201-202.

⁵ Там же. С. 203.

успеха ведет к утрате обаяния, и герой, потерпевший неудачу, будет осмеян и отвергнут толпой. «Толпа смотрит на павшего героя как на равного себе и мстит за то, что поклонялась прежде его превосходству, которого не признает теперь»¹.

Серж Московичи подчеркивает, что «толпы обладают веществом и формой. Они состоят из людей внушаемых и поляризованных, податливых и изменчивых, подверженных случайностям внешнего мира. Их форма – прочные верования, догматические по своей природе, по необходимости утопические, сходные с религией. Толпы соединяют, таким образом, то, что наиболее примитивно в человеке, с тем, что наиболее постоянно в обществе. Именно здесь и проблема: каким образом форма воздействует на вещество? ... Согласно схеме Аристотеля, необходим третий член силлогизма – демиург, творец, способный соединить их вместе и сделать из них произведение искусства... Этим демиургом и становится вождь. Он превращает внушаемую толпу в коллективное движение, сплоченное одной верой, направляемое одной целью. Он – художник общественной жизни, и его искусство – это правление... Именно он формирует массу, готовит ее к идее, которая наполняет эту массу плотью и кровью. В чем секрет искусства вождя? В глазах массы он воплощает идею, а по отношению к идее – массу, и в этом обе искры его власти. Он осуществляет власть, опираясь не на насилие, имеющее вспомогательное значение, а на верования, которые составляют главное»².

О.В. Великанова отмечает, что явление культа лидера обычно связывается с архаическими обществами, восточными деспотиями или рассматривается как атавистический феномен массового сознания, проявление отсталости или низменных, примитивных человеческих эмоций и инстинктов, не соответствующих природе рационального человека и жизни индустриального общества. Тем не менее, культ лидера был одной из ярких черт истории XX века и существовал в Германии, Италии, СССР, Китае, США и ряде других стран. Религиозное или полурелигиозное поклонение лидеру в форме государственного ритуала имело место в различные периоды их истории, но именно в первой половине XX века проявилось в полную силу³.

По мнению О.В. Великановой, культ вождя – своего рода «гражданская религия» – существует в тоталитарном обществе как спла-

¹ Там же. С. 208.

² Московичи С. *Век толп*. С. 159.

³ Великанова О.В. *Функции образа лидера в массовом сознании: гитлеровская Германия и советская Россия* // Психология и психоанализ власти. Самара, 1999. Т.2. С.5.

чивающая общество парадигма¹. Вождь выступает как религиозный, политический, родовой, национальный символ, наконец, как образец для подражания. Характерно отождествление вождя с его партией («Мы говорим Ленин – подразумеваем Партия», – писал Владимир Маяковский).

Для вождя любого массового движения характерна харизма. В традиционном смысле «харизма» относится к священной личности, обладающей благодатью. В наше время, по учению Макса Вебера, эта благодать присуща вождям, которые очаровывают массы и становятся объектами их обожания. Харизма понимается Вебером как призвание свыше, как миссия. Харизма означает дар, некое качество отношения между верующими или последователями и учителем, в которого верят и которому подчиняются. Власть харизматического вождя – над всеми структурами государства, он соприкасается непосредственно с каждым гражданином. По сути харизматический вождь – властитель психологии масс². Основы харизматической власти вождя лежат вне сферы повседневности, его частная жизнь скрыта от общества (исключением являлся только Муссолини). Подчеркнутые аскетизм, простота и демократичность вождя также служили созданию и укреплению в массовом сознании идеального образа Власти, олицетворяемой вождём.

Массы наделяют вождей мессианской ролью. Авторитет вождя, имеющий культовый характер, позволяет ему манипулировать массами. Вождь формирует массу, сплачивает ее в движение, придает этому движению энергию, направленность, цель. Культ вождя способствует переходу от массового движения к тоталитарному режиму, превращению массового движения в толпу фанатиков. Тоталитарный режим заинтересован в сохранении и развитии массового движения, в котором подавляется индивидуальность и усиливается роль коллективного, идентичного, общего. Деятельность тоталитарного режима, как правило, опирается на поддержку широких масс. «Кроме насилия и презрения к идеям демократии и свободы, для режима был характерен почти мистический фанатизм, с которым огромное большинство итальянцев объединялось вокруг Родины, Вождя и Фашизма», – такая характеристика дается современными итальянскими исследователями фашистскому режиму³. По сути, это утверждение – изменив название народа и идеологии – можно отнести к любому тоталитарному режиму.

¹ Там же. С. 7.

² Московичи С. *Век толп*. С. 348-350.

³ Guerri G.B. *Fascisti. Gli italiani di Mussolini. Il regime degli italiani*. Milano, 1996. P. 3.